

DOI 10.32726/2411-3417-2025-2-96-113

УДК 94

Антон Крутиков

«Последний камергер»: И.И. Тхоржевский и Русская революция

Аннотация: Статья посвящена деятельности выдающегося представителя высшей российской бюрократии начала XX в. И.И. Тхоржевского и его взаимоотношениям с Русской революцией. Будучи соратником видных реформаторов С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, Тхоржевский оставил заметный след в истории отечественного государственного права и государственного управления. Как профессиональный юрист, он настаивал на правовых методах политической борьбы, укреплении российской монархии за счет расширения ее социальной базы и преодоления идейного раскола в обществе. Являясь непосредственным участником реформаторских инициатив Совета министров, Тхоржевский сформировал особый взгляд на Русскую революцию, в основе которого лежали его уникальный административный опыт и глубокое знание среды высшей петербургской бюрократии. Свой анализ революционных потрясений 1917 г. и размышления о пути развития России в прошлом и будущем Тхоржевский позднее отразил в мемуарах и эмигрантской публицистике.

Ключевые слова: Российская империя, Русская революция, И.И. Тхоржевский, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, А.В. Кривошеин, Совет министров, Государственная Дума.

Среди незаслуженно забытых российских государственных деятелей «второго плана», имевших доступ к тайным пружинам внутренней политики империи в начале XX в., особый интерес представляет фигура И.И. Тхоржевского. Его личный жизненный путь отразил не только устойчивые карьерные практики высшей петербургской бюрократии, но и удел последних великих российских реформ, и судьбы реформаторов: через надежды на экономическое и социальное процветание — к революции и эмиграции. Соратник виднейших государственных деятелей той эпохи — С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкина, П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, Тхоржевский оставил заметный след в истории российского государственного права и государственного управления.

Иван Иванович Тхоржевский родился в 1878 г. в Ростове-на-Дону в семье преуспевающего адвоката и бывшего провинциального чиновника И.Ф. Тхоржевского, не чуждого литературных увлечений. Помимо издания литературных альманахов и сатирических журналов, родители Тхоржевского переводили на русский язык стихотворения П. Беранже, В. Гюго, а также грузинских и армянских поэтов. Детство и юность

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorzel1000@gmail.com.

Тхоржевского прошли на Кавказе, в Тифлисе и его окрестностях, куда семья переехала в 1879 г. [Степанов. С. 50]. В 1896 г. И.И. Тхоржевский поступил на юридический факультет Петербургского университета, где приобрел немало полезных связей. Позднее в своих мемуарах он отмечал решающую роль престижного образования, профессиональных компетенций и личных связей в мире сановного Петербурга для старта успешной карьеры столичного чиновника той эпохи.

В 1901 г. И.И. Тхоржевский закончил Петербургский университет и как один из лучших выпускников был оставлен в нем «для подготовки к профессорскому званию». Карьера ученого в тот момент привлекала его гораздо больше, чем государственная служба. Дальнейший выбор жизненного пути определила рекомендация отца его близкого университетского друга Бориса Нольде — барона Э.Ю. Нольде, товарища главноуправляющего Собственной Его Величества Канцелярии. Барон советовал молодому ученому-правоведу, помимо занятий в университете, поступить на службу в Канцелярию Комитета министров для приобретения практического опыта. «Там вы увидите русское государственное право в его живом действии, — утверждал Э.Ю. Нольде, — в самом процессе его образования. Это будет для вас и как для ученого гораздо поучительнее любых книжных справок» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 25].

Первое серьезное поручение, полученное Тхоржевским на новом месте службы, полностью подтвердило слова Э.Ю. Нольде. К столетнему юбилею Комитета министров в 1902 г. Тхоржевскому было поручено подготовить один из томов официальной истории этого учреждения, охватывающий царствование императора Александра III (1881–1894). Тхоржевский стал помощником историка С.М. Середонина, ответственного за издание юбилейного сборника, который предполагалось преподнести императору Николаю II.

Работая над историей Комитета министров, Тхоржевский получил доступ к ценным историческим источникам, в частности — к секретной записке об Александре III бывшего министра финансов Н.Х. Бунге¹. Он погрузился «в море архивной работы», его труд охватывал «события восьмидесятых годов, во многом впервые извлеченные из архивов» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 38]. Фактически, помимо «русского государственного права», Тхоржевский соприкоснулся с новейшей политической историей России и получил возможность написать ее на основе правительственных документов, ранее недоступных даже для более маститых авторов. Молодой исследователь был поражен, «насколько, в исторической перспективе, царствование императора Николая II было обусловлено обоими предыдущими царствованиями, столь резко различными: 1) преобразовательным, двинувшим Россию вперед, но и разволновавшим ее, временем императора Александра II и 2) властно национальным, охранительным царствованием, «паузой» императора Александра III, паузой неизбежной, во многом

1 Н.Х. Бунге в 1887 — 1895 гг. занимал пост председателя Комитета министров. «Загробные заметки» Бунге содержали программу реформирования российского самодержавия и предназначались для императора Александра III, а после его смерти — Николая II.

спасительной, но во многом очень опасной, ибо затянулась она слишком надолго. После Царя-Освободителя и Царя-Миротворца нужен был Царь-Устроитель» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 35-36].

Следуя идеям, высказанным в записке Н.Х. Бунге, Тхоржевский предложил свою оценку царствования Александра III, которая позднее определила и его видение задач, стоявших перед Россией при последнем российском монархе. При Александре III политика правительства, как было отмечено Тхоржевским в предисловии, характеризовалась «усилением значения власти и правительственного почина в развитии производительных сил страны» [Исторический обзор... С. II]. В связи с этим деятельность монарха и направляемого им Комитета министров сводилась к трем основным положениям:

1. «Удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским.
2. Упорядочить и скрепить внутренний строй управления, чего требовали пробелы в преобразованиях прошлого царствования.
3. Развить духовные и материальные силы народа» [Исторический обзор... С. I].

Время Александра III Тхоржевский считал ключевым для понимания вызовов, с которыми столкнулась Россия в начале XX в. Развитие «духовных и материальных сил народа» в 1880–1890-е годы выразилось в ускоренном росте промышленности, железнодорожном строительстве, укреплении финансов и совершенствовании системы образования. Тхоржевский отмечал кардинальные сдвиги в доступности начальной школы при Александре III, несомненной заслугой Комитета министров он называл успехи в области народного просвещения. Рост числа церковно-приходских и земских школ в Европейской России в 1882–1892 гг., согласно приведенным им данным, достигал 80%, а рост числа учащихся в них — 70% [Исторический обзор... С. II]. Между тем охранительные тенденции российского самодержавия при Александре III достигли своей цели уже в первые годы царствования. После гибели Александра II в 1881 г. внутреннее революционное брожение в России было довольно быстро подавлено. Однако «внутренняя “закупорка”, остановка всех реформ продолжалась, и наиболее пострадала при этом самая важная и наименее повинная в гибели Царя-Освободителя реформа: крестьянская» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 36].

Ускоренное развитие образования при Александре III без существенного повышения уровня материального благосостояния народа и изменения социально-правовых условий жизни крестьянства не привело к укреплению внутренних социальных связей и стабильности империи. Тхоржевский указывал на нерешенность в России крестьянского вопроса, так как освобождение крестьян при Александре II не сделало их собственниками. Экономическое освобождение крестьянства затянулось на пятьдесят лет — в этом он видел главную опасность охранительных тенденций царствования Александра III и начала царствования Николая II. Тхоржевский был убежденным сторонником выхода крестьян из общины и частной собственности на землю. Российское крестьянство должно было, по его мнению, пройти долгий путь культурного и экономи-

ческого развития, совершенствования применяемых технологий и повышения производительности труда, чтобы стать по-настоящему опорой самодержавного строя. Как утверждал Тхоржевский в своих мемуарах, таков был изначальный замысел крестьянской реформы Александра II, однако гибель императора и охранительная политика его преемника Александра III не позволили воплотить его в жизнь.

«За общину, — отмечал Тхоржевский, — всегда стояли русские интеллигенты-революционеры, увлекавшиеся социализмом, и это было понятно. Но почему ее оберегали, с нелегкой руки Победоносцева, русские консерваторы — это можно понять и объяснить только как слепое пристрастие к старому, косное желание сохранять все, что уже было в России, без внимания к тому, было ли оно вредно или полезно. Интересы России и прямой интерес русской власти требовали, наоборот, спешного развязывания узлов крестьянского бесправия и общины. В России надо было поднимать сельскохозяйственную культуру, увеличивать урожайность земель. Земельный же коммунизм в деревне плодил только всеобщую, равную, но зато и явную нищету» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 51-52].

Тхоржевский указывал на исторический «парадокс» России: во всех европейских государствах крестьянство являлось элементом консервативным, опорой политического строя, в России же оно оказалось главной социальной базой будущей революции. Разрыв между подлинными интересами крестьянских масс и представлениями элиты, к которой он сам принадлежал, Тхоржевский считал одним из главных вызовов времени.

В подготовленном И.И. Тхоржевским томе «Истории Комитета министров» не содержалось прямой критики правительства. Автор, по его собственному признанию, был «осторожен», так что начальнику Канцелярии А.Н. Куломзину не пришлось быть «ни его редактором, ни даже цензором» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 35]. Изданный в юбилейном 1902 г. труд произвел благоприятное впечатление на А.Н. Куломзина и начальника главной императорской квартиры, генерала графа А.В. Олсуфьева (по словам последнего, с работой Тхоржевского был ознакомлен Николай II). Размышления Тхоржевского о политической и социально-экономической истории России в процессе его работы с документами Комитета министров позднее были отражены в мемуарах «Последний Петербург. Воспоминания камергера», опубликованных в России только в 1999 г.

Впервые с реальностью Русской революции Тхоржевский столкнулся весной 1902 г. Утром 2 апреля, придя на службу в Мариинский дворец, где располагался Комитет министров, он увидел смертельно раненного министра внутренних дел Д.С. Сипягина и стрелявшего в него эсера С.В. Балмашева, уже арестованного жандармами.

«В этот день, — отмечал в мемуарах Тхоржевский, — на моих глазах в русскую жизнь внезапно просунулось из тьмы что-то жестокое и зловеще непримиримое — то самое, что я иногда уже и раньше, но в меньшей степени, ощущал на студенческих

сходках: просунулась “она”, русская революция»! [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 50].

Д.С. Сипягин был, по его словам, «очень консервативным министром», известным в равной степени своими профессиональными компетенциями и верноподданническими чувствами по отношению к Николаю II. Целью для террористов он стал в связи с подавлением волнений студентов в 1900–1901 гг. (участником которых был и студент Киевского университета С.В. Балмашев). Глава МВД не был замечен в излишней жесткости своей политики; даже по мнению либеральной российской прессы, он всегда стремился «смягчить суровость закона».

«При этом, — отмечал Тхоржевский, — назначенный ему преемником Плеве решил быть еще правее. Судить Балмашева Плеве поручил военному суду, был вынесен смертный приговор. Балмашев отказался подать просьбу о помиловании и был казнен. Но Плеве через два года был сам убит революционной бомбой. Путь к примирению власти с интеллигенцией лежал не сквозь взаимные убийства, а сквозь реформы. К счастью, правящий Петербург становился уже на этот реформаторский путь (к несчастью, поздно!)» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 51].

С 1902 г. И.И. Тхоржевский работал в делопроизводстве Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, открытого по инициативе С.Ю. Витте и Д.С. Сипягина для выработки новой социально-экономической политики в крестьянском вопросе. Совещание выступило за уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, положительно оценило идею выхода крестьян из общины. Были предложены ликвидация сословных волостных судов, создание новой земской административной единицы (на уровне волости) как низшего звена в системе местного самоуправления, передача ей полномочий от органов крестьянского сельского самоуправления (волостных и сельских сходов). «Бессословная волость», как новый элемент российской земской системы, была создана на практике уже после Февральской революции 1917 г.

Тхоржевский указывал на прогрессивный характер работы Особого совещания, которое по сути оказалось продолжением реформаторских инициатив 1861–1881 гг.: «Немногие даже из русских людей знают и четко сознают, что справедливо прославленный на весь мир русский суд, свободный и независимый, созданный судебными уставами Александра II, на крестьян, т. е. на девять десятых русского населения, не распространялся. В самом важном для них, в делах земельно-имущественных, крестьяне ведались волостными судами, т. е. своими односельчанами, подвластными земским начальникам, т. е. администрации» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 64]. Правительство после долгой дискуссии решило сохранить волостной суд, но, согласно манифесту Николая II от 11 августа 1904 г., были отменены телесные наказания для крестьян, до сих пор назначавшиеся по приговорам волостных судов.

По словам Тхоржевского, Особое совещание, проработав два с половиной года, было закрыто весной 1905 г. и «не принесло прямых результатов». Но за этот период

были накоплены ценнейшие материалы, которые легли в основу столыпинской аграрной реформы [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 63].

Возвышение С.Ю. Витте, занявшего пост председателя Комитета министров, и начало Первой русской революции изменили обстоятельства службы Тхоржевского. Он был назначен одним из шести чиновников, постоянно дежуривших при главе правительства. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. и преобразования Комитета министров в Совет министров Витте переехал в Зимний дворец, «где его легче было охранять от террористов». Мариинский дворец навсегда перестал быть местом, где творилась политика, заседания Совета министров теперь проходили в Зимнем дворце [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 73].

С.Ю. Витте ценил И.И. Тхоржевского как прекрасно образованного специалиста, обладающего фундаментальными юридическими знаниями. Неотложной задачей правительства было изменение российского законодательства, приведение его в соответствие с теми новациями, которые принес компромисс царской власти с требованиями конституционалистов. Передать рассмотрение этого вопроса первой Государственной Думе правительство категорически отказалось, так как, по словам Тхоржевского, «для Думы создан бы явный соблазн вообразить себя Учредительным Собранием и расширить свою власть до крайних пределов» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 74]. Основные государственные законы (ОГЗ) разрабатывались в экспертных и бюрократических кругах Канцелярии Государственного Совета. Их текст был подготовлен в ноябре — декабре 1905 г. товарищем государственного секретаря П.А. Харитоновым и ориентировался на устремления умеренных конституционалистов.

В начале 1906 г. И.И. Тхоржевскому было поручено составить замечания на проект Основных законов, подготовленный Государственным Советом, который премьер С.Ю. Витте нашел «слишком либеральным». Управляющему делами (главе канцелярии) Совета министров Э.Ю. Нольде Витте рекомендовал взять за основу «консервативные конституции» европейских государств — Германии и Австрии, а также конституцию Японии, чтобы «заимствовать оттуда полезные консервативные начала» [Куликов. С. 97]. Премьер особо отметил японскую политическую систему, в которой микадо при наличии парламента сохранял неограниченные права в управлении. Идея Витте заключалась в том, чтобы «получше разграничить указ и закон: побольше места оставить указу, то есть царю, и поменьше закону, то есть Думе» [Тхоржевский. Воспоминания... С. 7].

В библиотеке Тхоржевского имелись французские издания всех конституций мира, и очень скоро японская конституция была на столе у премьера. После ознакомления с текстом и наведения необходимых юридических справок С.Ю. Витте поручил отредактировать «либеральный» проект ОГЗ, восстановив баланс между монархом и представительной властью.

Тхоржевский подготовил обширную записку с замечаниями на текст ОГЗ, которая содержала проекты постатейных изменений. Все они «клонились к расширению прав

государя и управления» [Тхоржевский. Воспоминания... С. 7]. Записка Тхоржевского получила одобрение Витте и легла в основу окончательной редакции Основных законов, принятых Советом министров и утвержденных Николаем II 23 апреля 1906 г.

Усилия Тхоржевского, направленные против ограничения прав монарха и превращения России в «конституционное государство», во многом способствовали установлению думской политической системы. Политическая программа, изложенная в его записке, полностью совпадала с мнением премьера и консервативных членов Совета министров, стремившихся ограничить конституционные устремления российских революционных и либеральных партий. «В 1906 г., — считал Тхоржевский, — долгом русских людей и русских политиков было: вводя представительный строй в России, ограждать права государя и управления» [Тхоржевский. Воспоминания... С. 7]. В окончательной редакции ОГЗ были разграничены понятия закона и указа. Кроме того, статья 87 позволяла императору принимать временные законы в перерывах между заседаниями Государственной Думы по представлению Совета министров. Эти обстоятельства имели решающее значение в 1907 г. при установлении в России режима «третьеиюньской монархии».

Видение И.И. Тхоржевским российской политической системы опиралось на исторические особенности России и не совпадало с популярными в то время на западе политическими теориями. До 1905 г. Россия была единственным государством в Европе, кроме Черногории и Османской империи, не имевшим парламента, что выделяло ее среди других великих держав. Соратник премьера С.Ю. Витте объяснял это объективными условиями развития российского самодержавия, которое даже в начале XX в. сохраняло свой потенциал и могло сделать «немало полезного» для России. Говоря о правовых основаниях российского государства, И.И. Тхоржевский фактически повторил идею историка В.О. Ключевского, высказанную в связи с кончиной императора Александра III: «в России, по ее политической организации, в воле царя выражается мысль его народа, и воля народа становится мыслью его царя» [Ольденбург. С. 9].

По убеждению Тхоржевского, главным источником российского государственного права была самодержавная власть. «Государь ставил на всем сияющую, животворную точку. Он благословлял или не благословлял своим именем все в России к жизни и действию (чудесное старинное выражение “быть по сему” — *ainsi soit il!*). По русской народной психологии, только царская власть, кто бы ей ни помогал, Дума или чиновники, была источником права. В той, царской России имя Государя было поистине архимедовым рычагом власти и всех перемен к лучшему или к худшему. Не он опирался на государственные учреждения, а они им держались. Поэтому впоследствии, когда Государь был свергнут, вынужденно отрекся, — мгновенно был как бы выключен электрический ток, и вся Россия погрузилась во тьму кромешную» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 49].

Все последующие режимы, пришедшие на смену российскому самодержавию, обладали, по его мнению, недостатком легитимности, что ставило под вопрос право-

вые основания российской государственности в постреволюционную эпоху. Развитие российской правовой системы должно было следовать исторически сложившейся традиции суверенитета монарха, главной проблемой в случае ее нарушения становилась проблема преемственности. Неправовые методы в политике и революционный правовой нигилизм Тхоржевский решительно отвергал.

Назначение П.А. Столыпина председателем Совета министров в июле 1906 г. совпало с новым этапом в карьере И.И. Тхоржевского. Поддерживая премьера в его реформаторских усилиях, в первую очередь в области правового и экономического освобождения крестьянства от власти общины, Тхоржевский продолжил службу в Главном управлении землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Это ведомство, по словам известного общественного деятеля и публициста П.Б. Струве, в начале XX в. «стало фокусом культурной работы всего государства» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 82].

В структуре ГУЗиЗ (фактически имевшего статус министерства) Тхоржевский получил скромную должность помощника начальника Переселенческого управления. Однако, с учетом специфики столыпинской аграрной реформы, в центре внимания правительства и премьера было как раз переселение малоземельных крестьян из центральных губерний России за Урал. На своей новой должности Тхоржевский оказался ответственным за это весьма важное направление правительственной работы [Степанов. С. 51].

Особенностью реформ, инициированных Столыпиным, было стремление премьера (в отличие от всех его предшественников) опереться на более широкие слои русского общества, а не только на бюрократию. Согласно воспоминаниям И.И. Тхоржевского, «новый порядок был основан на сближении власти с русскими общественными верхами и на постепенном втягивании крестьянских низов в общерусскую культурную государственность» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 84]. Именно поэтому премьеру была нужна думская политическая система, которая окончательно сложилась в июне 1907 г. благодаря изданию нового избирательного закона. Целью П.А. Столыпина было повышение материального благосостояния российского крестьянства, создание слоя «собственников», наделенного не только гражданскими, но и политическими правами благодаря выборам в Думу. Однако у общины по-прежнему было немало сторонников, причем не только среди левых сил. По словам племянника И.И. Тхоржевского, «русские консерваторы не желали отмены общины потому, что были вообще против любых социальных перемен. Революционеры же опасались, что уничтожение общины предотвратит столь желаемую для них революцию» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 7-8].

Новому премьеру приходилось бороться с сопротивлением «справа». Среди публичных лидеров правой оппозиции Тхоржевский называет князя В.П. Мещерского, действительного статского советника и редактора газеты «Гражданин». По мнению Мещерского, Дума была нужна Столыпину в связи с личными честолюбивыми мотивами, так как у премьера «неожиданно проснулся ораторский талант» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 90].

Не разделяя взгляды правых, Тхоржевский тем не менее называл П.А. Столыпина лидером, наделенным качествами «вождя» и «диктатора», который «властно вел русскую политику, круто направлял ее в определенное русло» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 115]. Столыпин, в отличие от С.Ю. Витте, ставил свои принципы выше политической конъюнктуры; его усилия по реформированию России имели программу и не были ситуативными. Добиваясь «почти всего в Царскосельском дворце» (любимой резиденции Николая II), Столыпин за короткий срок смог достигнуть впечатляющих результатов в области повышения благосостояния крестьянства, увеличения производительности российского сельского хозяйства и общего экономического роста империи.

В конце лета 1910 г. И.И. Тхоржевский совершил совместную поездку с П.А. Столыпиным в Сибирь для ознакомления с результатами переселенческой работы. Как специалист, прекрасно владевший пером, он часто привлекался премьером и своим прямым начальником А.В. Кривошеиным для составления отчетов ГУЗиЗ. Посещение Столыпиным Западной Сибири вызвало критику как «справа», так и «слева». В придворных сферах, отмечал Тхоржевский, жаловались на чрезмерную, «царскую» пышность столыпинского путешествия. В общественных же кругах звучало выражение «потемкинские деревни» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 120].

Во время путешествия по Иртышу Столыпин поделился со своими спутниками, Кривошеиным и Тхоржевским, размышлениями о роли аграрной реформы для будущего России и основаниях его реформаторских инициатив 1906–1910 гг. По словам Тхоржевского, знаменитая фраза Столыпина про «двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего» была не импровизацией или красивым элементом риторики, а выводом из наблюдений премьера над экономическим развитием России на рубеже XIX–XX вв. «Двадцать лет» были не абстрактным, но вполне реальным временем, которое Россия потеряла с 1880-х годов, в период охранительной политики Александра III и в первые годы царствования Николая II. Эта оценка полностью совпадала с видением недавнего прошлого России, которое сложилось у Тхоржевского еще во время работы над историей Комитета министров в 1902 г.

По словам П.А. Столыпина, «когда в 1889 году министр граф Дмитрий Андреевич Толстой вводил в деревне земских начальников, сохраняя крестьянскую общину и юридическую обособленность крестьянского земельного строя — обособленность, граничившую с крестьянским бесправием, — вот тогда вместо земских начальников или вместе с ними надо было бы нам начать нынешнюю работу по крестьянскому землеустройству» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 36–37].

Будущее России, считал Столыпин, можно было обеспечить еще в конце XIX в. благодаря своевременным реформам, правовому и экономическому освобождению крестьянства. Учитывая очевидные изменения, которые произошли в русской деревне к началу XX в. (в первую очередь демографические), создание землеустроительных комиссий с обязательным привлечением «местных людей» следовало начинать во второй половине 1880-х годов. «Мы потеряли, с устройством крестьян, 20 лет, драгоцен-

ных лет, и надо уже лихорадочным темпом наверстывать упущенное. Успеем ли наверстать? Да, если не помешает война» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 36–37].

Тхоржевский отмечает пророческий характер высказывания Столыпина, который до конца «выполнил свой долг перед родиной», но не смог остановить надвигающуюся революцию. Премьер, погибший в Киеве в год 50-летия крестьянской реформы 1861 г., в ходе юбилейных торжеств, ей посвященных, завершил весьма важный цикл русской истории. Эпоха «великих реформ» и великих реформаторов закончилась.

Подчеркивая ведущую роль просвещенной бюрократии в реформаторских усилиях начала XX в., Тхоржевский приходит к еще одному важному выводу. Общественный элемент, несмотря на законодательные инициативы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, в этот период оказал незначительное влияние на содержание правительственной политики. Реформы продвигались благодаря узкому кругу государственных сановников, близких к императору и обладавших его доверием. Такова, считал Тхоржевский, была «основная традиция русской монархии, со времен еще Петра Великого»: «Пушкин верно заметил, что “правительство есть единственный европейский элемент России”». [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 59]. Развивая это наблюдение, Тхоржевский видел неотложной задачей самодержавия привлечение народного элемента к общественной жизни и вовлечение его в политику через создание отвечающей требованиям времени системы институтов. Просвещение масс, повышение уровня их культуры и материального благосостояния в данных обстоятельствах становилось вопросом выживания режима.

И.И. Тхоржевский откровенно пишет об одной из главных уязвимостей Романовской династии в последние годы жизни императорской России: ее социальной изоляции. Даже в относительно спокойную столыпинскую эпоху самодержавная власть с недоверием относилась к новым представительным учреждениям и думским лидерам [Великий Князь... С. 327]. «Стремление замкнуться в тесный кружок мнимо верных людей, ревнивое недоверие к сильным людям, к общественной популярности — все это странным образом сочеталось с мистической верой в простой народ, преданный царю безгранично. Столыпин умел бороться с этим самоубийственным ослеплением и тщательно оберегал ореол царской семьи, царской власти, всегда скрывая свою борьбу, никогда не становясь в оппозицию» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 77].

Столыпин, однако, погиб, а его преемники не смогли продолжить эту мудрую и единственно правильную в сложившихся обстоятельствах политику. Один из главных соратников П.А. Столыпина — А.В. Кривошеин после гибели премьера обнаружил отсутствие лидерских качеств и «уклонился от власти». Он предпочитал быть полезным на своем месте — возглавляя Главное управление землеустройства и земледелия. По словам Тхоржевского, Кривошеин чувствовал «незаменимость для России, для ее равновесия, исторической царской власти и близкого к ней слоя служилых русских верхов» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 87]. Однако сила социальных «низов», лишенная контроля со стороны правительства, на фоне равнодушия к народу лидеров либеральных партий казалась ему пугающим приближением «власти тьмы».

С сожалением отмечал И.И. Тхоржевский и проблему личного отчуждения царя и его семьи, глубоко религиозной и в меру консервативной, от космополитичного и декадентского петербургского общества начала XX в. «Последний Петербург» Тхоржевского — это город, элита которого живет, опережая время, «словно в XXII веке». При этом правительство все еще находится в эпохе просвещенного абсолютизма XVIII в., а народ — в XIX в. «Свалив “отсталую” власть, — пишет Тхоржевский, — интеллигенция немедленно свалилась сама с заоблачных высот в медвежьи объятия XIX века. Не должно ли было именно так кончиться?» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 87].

Главной заслугой реформаторских усилий С.Ю. Витте и П.А. Столыпина он называет подаренное России время: историческое десятилетие, когда, «вопреки революционной интеллигенции и вечным колебаниям при Дворе», российское государство приложило героические усилия к тому, чтобы предотвратить крушение. Это была последняя попытка «устранить наверху опасный разрыв между властью и обществом (крылатые кривошеинские слова: „Мы“ и „они“! В этом разделении гибель!»). А правительство получило возможность «укреплять внизу элементарные возможности достатка, основанные на праве» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 87-88].

И.И. Тхоржевский продолжил службу и при новом председателе Совета министров В.Н. Коковцеве, который придерживался курса Столыпина, но не обладал лидерскими и волевыми качествами погибшего премьера. В январе 1914 г. Коковцев был заменен И.Л. Горемыкиным, с сыном которого, Михаилом, Тхоржевского связывала близкая многолетняя дружба. Главное управление землеустройства и земледелия до его преобразования в 1915 г. в министерство по-прежнему возглавлял один из главных соратников П.А. Столыпина — А.В. Кривошеин. Его программа заключалась в экономическом укреплении России «снизу». В то же время глава ГУЗиЗ стремился расширять социальную базу монархии и подавлять революционные проявления, опираясь на новый класс крестьян-собственников. «Такова была продолженная и разработанная Кривошеиным столыпинская традиция» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 101]. В 1913 г. Тхоржевский был назначен управляющим делами ГУЗиЗ, что стало наивысшим достижением в его служебной карьере. Годом ранее он получил почетное придворное звание камергера.

Начало Первой мировой войны, как и предсказывал П.А. Столыпин, привело к новым вызовам для российской государственности. Одним из них стал правительственный кризис 1915 г. По словам Тхоржевского, близко знакомого с жизнью высших бюрократических кругов, «обвал власти, повлекший за собою развал и жизни, начался и принял опасный, неудержимый характер со второго года войны. Тогда стала безвыходно нарастать распря: “Императрица — Дума”» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 97].

«Бунт министров», написавших коллективное письмо Николаю II 21 августа 1915 г. с просьбой не принимать верховное командование армией, Тхоржевский выделяет в качестве ключевого события, запустившего цепную реакцию ошибок и непродуманных шагов общества и власти, приведших к падению правительства и россий-

ской монархии. В этот период А.В. Кривошеин действовал в качестве «медиатора», стремившегося защитить авторитет самодержавия, поддерживая при этом контакты с либеральной оппозицией, единомышленниками в Совете министров (С.Д. Сазонов) и Ставкой.

Поддержанная Ставкой идея опоры на общественные силы, которую разделяли некоторые министры и думские круги, была актуальна в период подъема патриотизма первых месяцев войны, однако в дни «великого отступления» она лишь ускорила подрыв авторитета правительственной власти. В прифронтовых губерниях возникло двоевластие гражданской и военной администрации, что только усиливало управленческий хаос. Неудачи на фронте поставили вопрос об отстранении от командования великого князя Николая Николаевича, эта идея нашла поддержку при дворе (военное министерство с июня 1915 г. возглавлял лояльный главному министру А.А. Поливанов).

Несмотря на сопротивление правительства, Думы и общественных организаций, 23 августа 1915 г. отставка великого князя состоялась. Он был назначен наместником на Кавказ и главнокомандующим Кавказской армией. Ставку Верховного главнокомандующего возглавил Николай II. А.В. Кривошеин предложил государю и Совету министров «всячески смягчить отстранение великого князя Николая Николаевича от верховного командования армией, сглаживать углы в этом остром тогда вопросе» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 97]. По личному поручению Николая II министр написал прощальный «смягчающий рескрипт» великому князю, после которого перемещение его на Кавказ стало рассматриваться едва ли не как повышение [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 103].

И.И. Тхоржевский опровергает устоявшееся в историографии мнение, будто одним из инициаторов «забастовки министров» был А.В. Кривошеин¹. Напротив, глава ГУЗиЗ стремился погасить конфликт, используя свои близкие связи в Совете министров и среди думских политиков. Отставка Кривошеина, как и его коллег, подписавших коллективное письмо, стала, по мнению мемуариста, большим ударом для правительства. По личной просьбе Николая II, принявшего отставку главы ГУЗиЗ в сентябре 1915 г., на протяжении месяца Кривошеин скрывал свой уход, чтобы избежать резонанса в обществе. Его отставка не приняла характер политической демонстрации и не затронула авторитет монархии. «Кривошеин принес эту верноподданническую жертву честно. Он “вознаградил” себя только тем, что не просто вышел в отставку, но уехал на фронт уполномоченным Красного Креста. Служба родине продолжалась» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 109].

По трагическому стечению обстоятельств, вопрос о смене Верховного главнокомандующего совпал с попытками членов Совета министров «уволить» И.Л. Горемыкина, заменив его новым премьером, более популярным в общественных и думских кругах.

¹ Подробнее об этом см.: Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. Т. II. Париж. 1939. С. 148–154.

Среди возможных кандидатур назывались имена военного министра А.А. Поливанова, главы ГУЗиЗ А.В. Кривошеина и статс-секретаря П.А. Харитонов (две последние кандидатуры Тхоржевский безусловно поддерживал, так как оба выступали за совместную работу правительства с Государственной Думой и общественными организациями). Однако Горемыкин смог заручиться поддержкой Николая II, что предопределило поворот российской политики вправо и оттолкнуло от власти либеральную часть общества. Идея А.В. Кривошеина примирить разрозненные общественные силы, «прекратить наверху междоусобицу русских образованных людей, деление их на “мы” и “они”» не встретила поддержки при дворе и была в итоге отвергнута оппозицией.

По словам Тхоржевского, «происходил обычный в политике самообман и сдвиг настроений. Если бы вместо Горемыкина был поставлен царем кто-либо лучше умевший ладить с Думой — тот же Кривошеин, или Григорович, или Харитонов, — вероятно, содержание и направление правительственной работы изменилось бы — во время войны! — очень мало. Но отношения сложились бы другие. Власть выиграла бы время у революции. Легче было бы “дотянуть” — до улучшения дел на фронте...» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 102-103].

«Выиграть время» не удалось, и к осени 1915 г., по мнению другого известного современника и мемуариста — помощника управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтова, стала очевидна «картина трагичная по своей безысходности: вся государственная организация сдвинута с обычных устоев» [Яхонтов. С. 15-23; Емелина. С. 18].

После ухода А.В. Кривошеина и преобразования ГУЗиЗ в министерство начался период совместной службы И.И. Тхоржевского с новым министром земледелия — А.Н. Наумовым. Эта работа оказалась недолгой и продлилась около года. Летом 1916 г., после совместной поездки с Наумовым в Могилев для доклада Николаю II, Тхоржевский подал в отставку.

Бывший глава канцелярии министерства земледелия решил начать деловую карьеру, получив место в правлении Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник». Согласно воспоминаниям его племянника, Тхоржевский покинул Министерство земледелия, ожидая ухода с поста министра А.Н. Наумова, который не сумел найти общего языка с новым премьером Б.В. Штюрмером, «ничтожным царедворцем, явно непригодным к государственной деятельности, тем более — во время войны» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 10-11]. Помимо работы в «Треугольнике», Тхоржевский занял место в правлении Русского торгово-промышленного банка, одного из крупнейших в стране. В декабре 1916 г. Тхоржевский занял также пост председателя совета акционеров открывшегося в Петрограде Нидерландского банка для русской торговли. И лишь революция 1917 г. оборвала «столь блистательно начатую карьеру финансиста» [Степанов. С. 52].

Можно отметить наличие у Тхоржевского развитой политической интуиции — сделал блестящую административную карьеру как «человек второго плана», он покинул

государственную службу за несколько месяцев до революции. Останься Тхоржевский в Совете министров, в февральские дни 1917 г. он, вполне вероятно, оказался бы в министерском павильоне Государственной Думы — вместе с другими арестованными членами бывшего царского правительства. Февральскую революцию И.И. Тхоржевский не принял, так как революционные изменения противоречили его монархическим (и патриотическим) убеждениям. В монархическом государстве, каким была Россия, по его мнению, без царя «все развалилось за один день».

Революционная стихия покончила со старой русской государственностью, после чего признанный специалист по государственному праву Тхоржевский был лишен главного предмета своих профессиональных интересов. Право, которое он защищал как фундамент будущего России, исчезло. После февраля 1917 г. в стране «оставалось принуждение, сила, переходившая из рук в руки, оставался властный или безвластный приказ, но не стало власти как источника права. Ни Временное правительство, ни Учредительное собрание, ни, наконец, совдеп, одолевший всех своим грубым зажимом, никто первое время не обладал в сознании народа исторической “благодатью” творить русское право» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 49-50].

В годы Гражданской войны И.И. Тхоржевский принял деятельное участие в организованном сопротивлении большевизму. В конце 1917 г. вместе со своим бывшим начальником А.В. Кривошеиным он стал одним из организаторов «Правого центра», объединившего умеренных сторонников монархии. Организация поддерживала связи с центральными державами (безуспешно пытаясь добиться содействия в освобождении Николая II), Антантой и великим князем Михаилом Александровичем. Связь с иностранными дипломатами и российскими левыми силами поддерживал близкий друг Тхоржевского барон Б.Э. Нольде.

В 1919 г. И.И. Тхоржевский покинул Петроград и эмигрировал в Финляндию. Поддерживая переписку с А.В. Кривошеиным, он не оставлял надежды вернуться на родину. Такая возможность представилась в 1920 г., когда его бывший начальник был назначен главой правительства в Крыму при П.Н. Врангеле. Осенью 1920 г. Кривошеин, стремясь привлечь к себе единомышленников, вызвал в Крым Тхоржевского — тот прибыл через Константинополь. В правительстве Юга России он был назначен управляющим делами (начальником канцелярии) Совета министров. В ноябре 1920 г. Тхоржевский был одним из организаторов эвакуации войск Врангеля и русских беженцев из Крыма. По поручению главнокомандующего он был отправлен на английском крейсере в Константинополь «подготовить встречу белой армии на берегах Босфора» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 14].

В декабре 1920 г. Тхоржевский выехал из Константинополя в Париж. Во Франции он начал новую жизнь литературоведа, переводчика, поэта и публициста, с Парижем была связана вторая половина его насыщенной событиями биографии. До своей кончины в 1951 г. Тхоржевский принимал деятельное участие в российской эмигрантской прессе. В межвоенные годы он регулярно выступал с публикациями в парижской га-

зете «Возрождение», издаваемой с 1925 г. на средства бывшего российского нефтепромышленника А.О. Гукасова. В «Возрождении» публиковались яркие представители русского культурного зарубежья, такие как И.С. Шмелев, И.А. Ильин, Д.С. Мережковский, П.Б. Струве и др. На протяжении более чем двух десятилетий тема Русской революции в политической публицистике Тхоржевского оставалась одной из центральных. Поиск ответа на вопрос «кто виноват?» занимал тогда практически всех в русских эмигрантских кругах. В отличие от многих современников, Тхоржевский мог предложить читателю не только личный взгляд очевидца (и во многом жертвы) революционных потрясений, но и социологический анализ, обогащенный уникальным знанием жизни российской высшей бюрократии.

В крушении российской государственности, по его мнению, были виноваты все слои русского общества. Но особую критику Тхоржевского заслужил «тыловой неизвестный солдат, погубивший Россию», который, чтобы «не идти на фронт, не думал ни о Горемыкине, ни о Кривошеине, ни о Думе. Ему было — “все одно — наплевать!”» [Тхоржевский. Последний Петербург. С. 109]. Та же формула, по его словам, была усвоена и «сверху» (особенно в период кабинетов Штюмерера, Трепова и Голицына). Поляризация русского общества непрерывно нарастала с осени 1915 г., что в итоге привело к катастрофе. «Ненужное взаимное озлобление между родственными группами культурных русских людей, горячо преданных родине, разгоралось» [Там же]. «Вооруженный народ» в условиях коллапса правительства и тотальной мировой войны оказался силой, опасной для самого государства: архаичные инстинкты масс, не освобожденных от культурных, социальных и правовых пережитков общинного строя, возобладали.

И.И. Тхоржевский указывал на невозможность для власти существовать «в безвоздушном пространстве», что ставило вопрос о необходимости союза здоровой части общества и правительства для будущего России. Повышение уровня культуры и материального благосостояния среднего класса, чему Тхоржевский усиленно содействовал под руководством Столыпина и Кривошеина, казалось ему предпочтительным выходом. (Мелкобуржуазные формы организации российского крестьянства и развитие кооперации поддерживали многие представители политической эмиграции, не только приверженцы монархических взглядов.) Политика большевизма и тоталитарные практики в русской деревне, развернутые в конце 1920-х годов, были прямо противоположны этому подходу и Тхоржевским решительно отвергались.

Публикации И.И. Тхоржевского в парижской газете «Возрождение» не остались без внимания его политических оппонентов, в том числе из правых кругов. Общественный деятель, публицист и теоретик монархизма И.Л. Солоневич выступил с критикой Тхоржевского на страницах основанной им в Софии «Нашей газеты». Статья «За тенью Распутина» была посвящена полемике с представителями бывшей российской элиты о причинах крушения династии Романовых. Солоневич выступил против взгляда Тхоржевского на Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде как на солдатский бунт, вызванный падением авторитета монархии из-за дисфункции правительства, достигшей критической точки после вмешательства Распутина в политику. За «распутинской

бородой», утверждал Солоневич, бывшие сановники империи не желали видеть «преступления правящего слоя, и военный разгром, и тяжкую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и бесчестность» [Солоневич].

«Наша газета» назвала теорию краха самодержавия, предложенную публицистом парижского «Возрождения» «банально-дурацкой» и «тхоржевско-голливудской». И.Л. Солоневич продвигал свою теорию исторической многовековой борьбы российского самодержавия с «застойным и чванным правящим слоем, во имя подчинения этого слоя общенациональным или [...] общенародным интересам». Народные низы, по его утверждению, «всегда поддерживали общенародную линию», а аристократия выступала естественным врагом автократических, централистских тенденций. Идеалом для Солоневича выступал Иван Грозный, который «понимал историю несколько лучше Ивана Тхоржевского» [Солоневич]. В условиях мировой войны прежняя элита не могла спасти Россию, а преданный собственным ближайшим окружением император Николай II оказался лишь «плохим учеником царя Ивана Грозного — и проиграл» [Степанов. С. 54].

Очевидно, что Тхоржевский и Солоневич, обращаясь к истокам Русской революции, рассматривали две стороны одной проблемы: первый видел в ней «восстание масс», а второй — внутриэлитный заговор. Оба смотрели на революцию через призму собственных политических предпочтений и близких им политических теорий: Тхоржевский отстаивал элитарный путь строительства государства, а Солоневич, как автор концепции «народной монархии», — эгалитарный¹.

Считая дореволюционную элиту носителем высокой культуры, Тхоржевский не мог не видеть разрушительный характер большевизма, опиравшегося в годы Гражданской войны на крестьянскую архаику, а в конце 1920-х нашедшего способ канализировать разрушительную энергию масс, направляя ее в русло коллективизации, индустриализации и культурной революции. Трансформация России без опоры на ее культурный слой казалась ему невозможной. Обращение к истокам русской культуры, государственности и права представляло для него особый интерес, прежде всего в связи с необходимостью сформулировать возможные пути выхода из революционного тупика [Тхоржевский. О красном... С. 5].

Одним из ключевых вопросов, поставленных Русской революцией, Тхоржевский считал проблему взаимоотношений России и Запада. Теоретические истоки марксизма находились на Западе, но его радикальное (и, как считали многие, успешное) применение стало возможным в России — благодаря уникальным социально-политическим условиям, сложившимся в стране в начале XX в. Помимо общего для российской политической эмиграции разочарования в Западе (вызванного, в первую очередь, его

¹ Интересно отметить, что родившийся в Гродненской губернии И.Л. Солоневич получил образование и стал признанным журналистом и общественным деятелем в том числе благодаря реформам П.А. Столыпина. Премьер выступал за возрождение русской национальной жизни в Западном крае и инициировал введение в 1911 г. земских учреждений.

бездействием), он отмечал и более глубокие последствия российских революционных потрясений.

«Западный коммунизм, — писал Тхоржевский в 1939 г., за несколько месяцев до начала Второй мировой войны, — только потому и взорвал Россию, что он нашел в ней для себя корни: в нашей “низовой” темноте, в нашей крестьянской общине, в скифской грубости. Христианство, цивилизация, культура, империя — все это пришло к нам через общеевропейские (итало-греческие) истоки и каналы» [Тхоржевский. Отклики. С. 5].

Отвергать общеевропейское культурное наследие, христианские ценности и империю, полагал Тхоржевский, ни в коем случае не следовало, более того, сознательное уничтожение этой традиции большевиками во имя идеи «мировой революции» ясно свидетельствовало о наиболее предпочтительной для страны альтернативе. Будущей России, освобожденной от большевизма, обязательно потребовался бы длительный период взаимодействия с остальным миром для привлечения «деловой энергии», культуры и технологий. Но эта возрожденная Россия могла быть создана «только русскими руками, а не руками тех, кто нас теперь называет варварами», убеждал публицист парижской газеты «Возрождение», соглашаясь с откликами некоторых своих читателей [Тхоржевский. Отклики. С. 5].

«Нам нужны будут русские работники (но не иностранные), согласные работать день и ночь, пожертвовавшие всю свою жизнь, дни и минуты, России и ее будущему величию», — писал Тхоржевский [Тхоржевский. Отклики. С. 5].

В новой России, освобожденной от большевизма, утверждал публицист «Возрождения», не будет необходимости прибегать к прямым заимствованиям на Западе (особенно в области политических систем). Наиболее предпочтительным он называл путь «отражения» русской культуры в западной, что способствовало бы ее обогащению [Тхоржевский. Поклонникам... С. 5]. Именно таким путем, по его мнению, за счет конвергенции возникла великая русская культура XIX в., как и феномен А.С. Пушкина, который, несмотря на свое превосходное знание Запада, был «весь русский» [Тхоржевский, Отклики. С. 5].

«Да, русский сплав, русская культура, русская душа выше и глубже западной. Но этих вершин и этих глубин Россия достигла только в передовом своем авангарде, воспринявшем и превзошедшем западную культуру, но зато оторвавшемся от темных народных низин... Именно этот разрыв «верхов» и «низов» временно погубил, сорвал нашу русскую государственность. А теперь культурные русские верхи чуть не сведены к одной только крошечной, далеко не достаточной, эмиграции» [Тхоржевский, Отклики. С. 5].

Десятилетия спустя после Русской революции И.И. Тхоржевский, рассуждая о ее причинах, придерживался взгляда, сформулированного бывшим главой ГУЗиЗ А.В. Кривошеиным, с которым его связывали долгие годы совместной службы («„Мы“ и „они“! В этом разделении гибель!»). Будучи ближайшим помощником выдающихся российских реформаторов С.Ю. Витте, П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, Тхоржевский

понимал всю сложность их миссии, осуществляемой в условиях самодержавного государства, растущего сопротивления как слева, так и справа. Миссия эта, однако, была далеко не безнадежна. Кредо Тхоржевского заключалось в признании возможности «радикальной реформы в рамках монархической авторитарной системы» [Тхоржевский. Последний... С. 12].

Одним из самых успешных в российской истории он считал десятилетие 1905–1914 гг., на которое пришелся пик его служебной карьеры. Тогда «основанные на праве» экономический рост и укрепление среднего класса сопровождались высокими достижениями образованной России, закрепившими за русской культурой мировое признание и значение. А просвещенная бюрократия в Санкт-Петербурге в этот период верно поняла свою стратегическую миссию — расширение социальной базы русской монархии и вовлечение народных масс в «общерусскую культурную государственность». Культурная работа русского имперского правительства, искусственно прерванная в 1917 г., по мнению Тхоржевского, должна быть в любом случае продолжена. Несмотря на очевидную недостаточность сил русской эмиграции, Тхоржевский верил в возвращение исторической России, чье будущее находится исключительно в руках ее народа.

Литература

- Великий Князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М. 1998.
- Емелина М.А. Кризис Верховного главнокомандования и «бунт министров» летом 1915 года // Военно-исторический журнал. 2019. № 2. С. 14–22.
- Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 4: Комитет Министров в царствование императора Александра Третьего (1881 г. 2 марта — 1894 г. 20 октября) / Сост. И.И. Тхоржевским; Под гл. ред. статс-секретаря Куломзина. СПб. 1902.
- Куликов С.В. И.И. Тхоржевский и создание основных государственных законов 23 апреля 1906 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 6. С. 88–108.
- Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. I. Белград. 1939.
- Солоневич И.Л. За тенью Распутина // Наша газета. София. 1939. — russianway.rhga.ru/upload/main/Rasputin/2/585%20599.pdf (дата обращения: 07.04.2025).
- Степанов А.В. Политическая элита России начала XX в. глазами поэта и гражданина. И.И. Тхоржевский и его мемуары // Вестник Ивановского государственного университета. 2011. Вып. 4. История. С. 49–60.
- Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. Лжеконституция и шофер. III // Возрождение. 1937. № 4071 (27 марта).
- Тхоржевский И.И. О красном Карфагене // Возрождение. 1939. № 4188 (16 июня).
- Тхоржевский И.И. Отклики // Возрождение. 1939. № 4184 (19 мая).
- Тхоржевский И.И. Поклонникам «Русской девушки» // Возрождение. 1939. № 4186 (2 июня).
- Тхоржевский И.И. Последний Петербург. М. 1999.
- Тхоржевский И.И. Пушкинская речь Достоевского // Возрождение. 1949. № 3. Париж.
- Тхоржевский И.И. Три кита // Возрождение. 1939. № 4187 (9 июня).
- Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров; 16 Июля — 2 Сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин. 1926.